

Е. А. Изешева, В. Д. Камынин

«ТАЙНЫ КОНЦЛАГЕРЕЙ ОГПУ»

(историки о формировании советской пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг.)

В отечественной историографии история создания и функционирования мест заключения для инакомыслящих и врагов советской власти долгое время оставалась под запретом. В советской историографии по этой проблеме можно найти лишь незначительные сведения. По словам известного исследователя советской цензуры А. В. Блюма, цензурными органами особенно «тщательно оберегалась тайна концлагерей ОГПУ, о чем свидетельствует циркуляр 1926 г.»¹. В связи с этим данной проблемой в советское время в основном занимались юристы, которых интересовала лишь проблема внедрения в советской пенитенциарной системе исправительно-трудового принципа, результаты которого всегда оценивались положительно.

Совершенно иные сведения о деятельности советской пенитенциарной системы стали проникать в советскую историческую науку в годы «перестройки» из эмигрантских изданий. С. П. Мельгунов привел данные о положении заключенных в восточных районах страны, в которых после Гражданской войны были сосредоточены главным образом участники белого движения, оппозиционным большевикам политических партий и западносибирского крестьянского антисоветского выступления. Автор указал на то, что в этих лагерях царили дикий произвол и полное беззаконие, существовала система заложничества за побеги заключенных².

Настоящее исследование начального этапа формирования пенитенциарной системы в восточных районах страны происходит только в современной историографии. Интерес к тоталитарным структурам в нашей стране, массовым политическим репрессиям, открытие архивов привели к актуализации изучения мест заключения противников большевистского режима. Подавляющее большинство исследований по данной теме выполнено на материалах конца 1920-х — начала 1950-х гг., когда советская пенитенциарная система уже полностью сформировалась.

Мы считаем, что данное обстоятельство обедняет наше представление о советской пенитенциарной системе, которая стала формироваться в первые годы советской власти, и в ее развитии в 1920-е гг. имелись существенные особенности. Тем

¹ Блюм А. В. За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. С. 126.

² Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918-1923). М., 1990. С. 76.

Кладбище близ лагеря

³ Пашина М. В. Становление пенитенциарной системы в СССР в 1920-е гг. (Историография проблемы) // Урал индустриальный: Пятая регион. науч. конф.: Бакунинские чтения. Декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 365.

⁴ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг.: В 2 ч. Н-Тагил, 1996; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997; он же. Пенитенциарная система Урала (1917–1940 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. II; Рубинов М. В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы. 1918–1934 гг. (По материалам Урала): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000.

не менее, мы не можем согласиться с утверждением М. В. Пашиной о том, что «период 1920-х гг. освещен недостаточно», не рассматривается законодательная база, ее «реализация и формирование пенитенциарных органов в условиях Гражданской войны и в годы НЭПа»³.

О развитии советской пенитенциарной системы в Западной Сибири в 1920-е гг. пишется в работах многих современных исследователей. В соответствии с проведенной в 1923 г. административно-территориальной реформой на востоке страны была создана огромная по территории Уральская область с центром в Екатеринбурге (Свердловске), в которую были включены обширные районы Западной Сибири: бывшая Тюменская губерния и Тобольский Север. Для утвердившегося в стране большевистского режима эти районы представляли ценность не только как плацдарм для экономического районирования, для распространения пролетарского влияния на крестьянскую Западную Сибирь, но и как место для ссылки политически неблагонадежных элементов. Спецификой современной литературы о советской пенитенциарной системе является то, что, рассматривая Уральский регион, авторы обязательно включают материалы по Западной Сибири. Кроме того, при изучении данной литературы появляется возможность судить об особенностях функционирования пенитенциарной системы на горно-заводском Урале и в равнинных районах Западной Сибири.

В обобщающих исследованиях по данному вопросу содержится не только осмысление исторического материала о конкретных местах заключения на востоке страны, но и делаются важные теоретические выводы об особенностях функционирования советской пенитенциарной системы в первое десятилетие советской власти⁴.

А. С. Смыкалин определяет пенитенциарную систему в широком смысле слова как «совокупность мер государственного

принуждения, ставящих целью точное и неуклонное исполнение наказания»⁵. Однако большинство современных исследователей рассматривают эту систему в узком смысле как места заключения противников большевистского режима.

В литературе можно встретить различные точки зрения на то, когда восточные районы страны превращаются в место массовой ссылки политически неблагонадежных слоев населения и когда создается местная пенитенциарная система.

Часть историков связывает превращение Урала и Западной Сибири в место массовой ссылки политзаключенных с началом проведения массовой коллективизации, сопровождаемой раскулачиванием. В. М. Кириллов указывает, что «в конце 20-х гг. естественный процесс переселения был превращен стараниями преступной власти в гибельную политику спецколониализации, базирующейся на раскулаченных, переселяемых в малообжитые районы страны в качестве дешевой рабочей силы». Автор считает, что законодательно эта политика была закреплена в постановлении СНК СССР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области»⁶. В то же время он замечает, что уже «в 1928–1929 гг. появляются первые узники, осужденные по ст. 58 и числящиеся за Полномочным представителем ОГПУ по Уралу»⁷.

Другие историки полагают, что восточные районы страны стали местом политической ссылки гораздо раньше. Л. И. Футорянский пишет: «С 1927 г. в Оренбургский край, как и до 1927 г., стали прибывать судебной и административно высланные. Первая партия насчитывала 160 человек». По словам историка, «рассматривая этот вопрос на заседании горсовета, было отмечено «весьма вероятное увеличение их в будущем»⁸.

Третья часть историков полагает, и мы поддерживаем это мнение, что Уральский регион с примыкающими к нему районами Западной Сибири превращается в место массовой политической ссылки уже в самом начале 1920-х гг., и его пенитенциарная система начинает поглощать большую массу противников большевиков периода Гражданской войны, особенно участников крестьянских восстаний, прежде всего западносибирского восстания⁹. И. В. Скипина подчеркивает: «В 1921 г. пенитенциарные учреждения региона были переполнены повстанцами»¹⁰. Подтверждением этому может служить тот факт, что в 1920-е гг. пенитенциарная система в регионе функционировала в полном объеме.

Л. В. Алексеева пишет: «Советскую ссылку предопределил Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г., предусматривавший административную высылку сроком до 3-х лет за границу или в определенные местности РСФСР, причастных к контрреволюционным преступлениям, под надзор местного органа Государственного политического управления»¹¹.

⁵ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 8.

⁶ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 50-х гг. Ч. 1. С. 113.

⁷ Там же. С. 181.

⁸ История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 239-240.

⁹ См.: Алексеева Л. В. О политических ссылках и репрессиях в Северо-Западной Сибири (первая половина XX в.) // Тезисы докл. и сообщ. III регион. музейной конф., посв. 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 2000; Горшков С. В., Попов Н. Н. Советская ссылка на Обь-Иртышский Север (1920–1960-е гг.) // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 дек. 2000 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2000; и др.

¹⁰ Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале: Историография проблемы. Тюмень, 2003. С. 93.

¹¹ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1921 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 184.

«Мертвая» дорога

¹² См.: Кузьмин С. И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений советского государства (1917-1985 гг.): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 16.

¹³ См.: Рябинин А. А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права Российской Федерации (вопросы дифференциации и индивидуализации наказания). М., 1995. С. 11.

¹⁴ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 33.

¹⁵ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1921 гг.: национально-государственное строительство и население. С. 184.

¹⁶ Пашина М. В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь № 1 // Урал индустриальный: Пятая регион. науч. конф.: Бакунинские чтения. Декабрь 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 362.

Современные исследователи дискутируют также по вопросу о периодизации советской пенитенциарной системы на протяжении 1920-х гг.

С. И. Кузьмин выделяет в развитии советской пенитенциарной системы в интересующий нас период два этапа: октябрь 1917–1920 гг. и 1921–1929 гг., связывая развитие второго этапа с нэпом¹². По мнению А. А. Рябинина, первые этапы в развитии пенитенциарной системы в советской России были следующие: 1917–1924 и 1925–1934 гг.¹³

А. С. Смыкалин выделяет этап «формирования и развития пенитенциарной системы советского государства (1917–1924 гг.)» и этап «пенитенциарной системы РСФСР в период административно-командного управления страной (1925–1940 гг.)». По его мнению, границей между ними стало принятие в октябре 1924 г. первого советского Исправительно-трудового кодекса РСФСР¹⁴.

Анализ современной литературы о пенитенциарной системе советского государства в 1920-е гг. позволил авторам данной статьи выделить три этапа в ее функционировании на протяжении этого десятилетия. Первый этап пришелся на 1920–1922 гг., когда на Урале происходил переход от политики «военного коммунизма» к нэпу; второй — на годы новой экономической политики, начало третьего этапа совпало со свертыванием нэпа и переходом к политике форсированной индустриализации.

Особое внимание современные исследователи уделяют изучению первого этапа. Л. В. Алексеева определяет его содержание как «начальный этап образования советской пенитенциарной системы в виде ссылки, высылки и спецпоселений»¹⁵.

Исследователи описывают различные типы мест заключения, которые существовали в регионе в начале 1920-х гг., и приходят к выводу, что в это время большевиками использовались для заключения своих политических противников пенитенциарные учреждения как дореволюционного периода, так и созданные уже при новой власти.

М. И. Пашина пишет: «В начале 20-х гг. система мест заключения в Советском государстве была построена на основе царского наследия, использовались старые помещения и надзирательный корпус»¹⁶. Е. А. Бушаров указывает, что «из прежних

мест заключения продолжали существовать только тюрьмы и арестные дома»¹⁷.

В то же время исследователи считают, что политических противников у большевиков оказалось столь много, что для их содержания под стражей старых мест заключения стало не хватать. Историки анализируют те типы мест заключения, которые появились уже при большевистском режиме.

Уже в годы Гражданской войны большевиками были созданы исправительно-трудовые учреждения и концентрационные лагеря, которые к началу 1920-х гг. стали основой советской пенитенциарной системы. А. С. Смыкалин пишет, что если в ноябре 1920 г. в РСФСР существовало 84 концентрационных лагеря с 59 тыс. заключенных, то к маю 1921 г. их количество возросло до 128, в которых находились 100 тыс. заключенных¹⁸. Л. П. Рассказов отмечает, что в ведении ОГПУ, кроме концлагерей, находились политизоляторы: Верхне-Уральский, Челябинский, Тобольский, которые подчинялись с 15 мая 1925 г. Тюремному отделу ОГПУ¹⁹. Е. А. Бушаров указывает на то, что в 1920–1922 гг. были учреждены исправдома в Тобольске, Тюмени, Ишиме и арестные дома – в Ялуторовске, Туринске, Сургуте, Березове, а также созданы сельскохозяйственные колонии²⁰.

Важнейшей проблемой, которую исследуют современные ученые, является проблема законодательного обеспечения содержания заключенных в советской пенитенциарной системе. По словам В. М. Пащиной, «Октябрьская революция 1917 г. отвергла большинство ранее используемых правовых норм, и новая государственная власть была поставлена перед проблемой формирования пенитенциарного законодательства»²¹. П. Е. Нежданов пишет, что в начале 1920-х гг. «пенитенциарная система Советского государства ... регулировалась массой секретных и совершенно секретных приказов, инструкций, циркуляров. Принцип социалистической законности здесь был заменен принципом государственной целесообразности»²².

¹⁷ Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...» // Сиб. ист. журнал (Тюмень). 2004. № 1. С. 9.

¹⁸ См.: Смыкалина А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 57–58.

¹⁹ См.: Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941). Уфа, 1993. С. 218.

²⁰ См.: Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 9.

²¹ Пащина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918–1921 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VIII Всероссий. науч. конф. Екатеринбург, 2007. Т. II. С. 191.

²² Нежданов П. Е. Социальный состав заключенных концлагеря на Малой Кушве // Тагильский край в панораме веков: Материалы науч.-практ. конф. (Н-Тагил, 12–13 мая 1999 г.). Екатеринбург, 1999. С. 98.

В. М. Кириллов показал, как в 1920-е гг. разрабатывались законодательные акты, позволявшие повысить эффективность советской пенитенциарной системы²³. По его словам, «уголовное и иные виды законодательства сохранили целенаправленный классовый характер»²⁴.

В литературе высказывается мнение о соответствии пенитенциарных структур проводившейся в стране социально-экономической политике²⁵. Имеется в виду использование труда заключенных в народнохозяйственных целях. Обычно об этом пишут исследователи, которые анализируют более поздние этапы функционирования советской пенитенциарной системы в 1930-1950-е гг. По нашему мнению, этот тезис справедлив для всего времени существования данной системы, включая ее начальный этап. М. В. Пащина пишет, что уже в годы Гражданской войны «основным принципом пенитенциарной системы было применение труда как исправительного начала в перевоспитании осужденных»²⁶.

Особенностью законодательной базы советского государства в отношении пенитенциарной системы М. В. Пащина считает то, что оно с самого начала было направлено на привлече-

²³ См.: Кириллов В. М. Законодательное обеспечение репрессивной политики Советского государства в период 20-50-х гг. // Карта. 1995. № 7-8.

²⁴ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 1. С. 58.

²⁵ См.: Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шапов Д. В. Система мест заключения в СССР. 1929-1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справ. М., 1998. С. 25.

²⁶ Пащина М. В. Екатеринбургский губернский концентрационный лагерь. № 1. С. 362.

²⁷ Пащина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. С. 192.

²⁸ Петрушин А. А. «Мы не знаем площади...». Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень, 1999. С. 128-129.

²⁹ Пащина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. С. 192.

ние заключенных к труду. Она пишет, что «труд заключенных активно использовался в период формирования советской пенитенциарной системы. Заключенные привлекались к различному труду — от работ в лагере до работы в учреждениях»²⁷. А. А. Петрушин, проанализировав сводки ГПУ о заключенных евреях, указывает на следующее сообщение этих органов: «Большая часть еврейских семей занята торговлей. Евреев, служащих в советских учреждениях и занимающихся физическим трудом, сравнительно мало»²⁸. М. В. Пащина отмечает:

«Впоследствии этот принцип станет основополагающим для советской пенитенциарной системы»²⁹.

Исследователи отмечают, что под влиянием новой экономической политики серьезно изменились условия и режим содержания заключенных. По их мнению, в условиях отсутствия у государства средств на содержание мест заключения, их пытались перевести на своеобразный «хозрасчет». «Неоднозначным по своим последствиям, — указывает Ф. Р. Усманова, — был переход в 1922 г. к финансированию мест лишения свободы из местного бюджета, а в связи с этим и к самокупаемости мест заключения»³⁰. НКЮ РСФСР даже составил список мест заключения, которые должны были содержаться исключительно на государственные средства³¹.

А. Б. Суслов пишет: «На протяжении 20-х гг. в недрах НКВД и Наркомюста возникали разнообразные проекты «рационализации» тюремного дела. В основном, их смысл сводился к некоторому сокращению расходов на содержание заключенных за счет привлечения их к труду. О широкомасштабном применении принудительного труда и тем более о самокупаемости мест лишения свободы речь пока не шла»³². Любопытные сведения о поисках дополнительных средств для содержания заключенных дают законы того времени. 4 ноября 1925 г. был принят декрет СНК РСФСР «Об обращении на нужды помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения вещей, не востребованных собственниками по выбытию из мест заключения»³³. Тем не менее, М. В. Пашина делает вывод, что «идея самокупаемости и самообеспечения, которая изначально закладывалась в систему использования труда заключенных, оказалась не жизнеспособной»³⁴.

Большое количество литературы посвящено анализу особенностей пенитенциарной системы в западносибирском регионе³⁵ и функционированию конкретных мест заключения³⁶. Основное внимание современные исследователи уделяют изучению истории концлагерей и лагерей принудительных работ, которые имели наибольшее распространение в данном регионе. Исследователи определяют отличие данного типа заключения от других. Споры по этому вопросу ведутся, хотя правовой статус этого типа заключения был определен декретом ВЦИК от 1919 г. «О создании лагерей принудительных работ»³⁷.

В юридической литературе дается общее определение концентрационного лагеря. Считается, что, «в отличие от обычных мест лишения свободы, концентрационные лагеря создаются тоталитарными режимами в период террора либо колониальными — в период военных действий; заключение в концентрационных лагерях не носит обычно характера уголовного наказания»³⁸.

Историки, изучающие практику функционирования концлагерей в восточных районах страны, более конкретно определяют

³⁰ Усманова Ф. Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 20.

³¹ См.: Еженедельник советской юстиции. 1922. № 34. С. 24.

³² Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 12.

³³ См.: Собрание узаконений правительства РСФСР. 1925. № 76. Ст. 591.

³⁴ Пашина М. В. Использование труда заключенных в концентрационных лагерях Среднего Урала в 1918-1921 гг. С. 192.

³⁵ См.: Бортникова О. Н., Усманова Ф. Р. Некоторые проблемы кадрового обеспечения в исправительно-трудовых учреждениях Тюменской губернии (1918-1923 гг.) // Словцовские чтения-2000. Тюмень, 2000; они же. Формы и способы исправления асоциальных элементов в 20-е гг. // Проблемы философии государства и права. Тюмень, 2003. Вып. 2; Боркова Е. В. Трансформация тюремной системы в СССР в 20-х — 50-х гг. XX в. (на примере Тюменской области) // Диалог культур и цивилизаций: Тез. IV науч. конф. молодых историков Сибири и Урала. Тобольск, 2002; она же. К вопросу о реформировании системы государственного управления лагерей на террито-

рии Обь-Иртышского края 1918-1940 гг. // Вестник Тобольск. пед. ин-та им. Д. И. Менделеева. Тобольск, 2003. № 1; Усманова Ф. Р. Использование труда заключенных в местах лишения свободы Тюменского края в первые годы советской власти // Материалы науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. П. И. Рощевского. Тюмень, 2003; она же. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004; и др.

³⁶ См.: Славко Т. И. Исправительно-трудовые лагеря на Урале в 20-е гг. (проблемы формирования банка данных) // Круг идей: развитие исторической информатики: Тр. 2-й конф. Ассоциации «Историк и компьютер». М., 1995; Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...» // Сиб. ист. журнал (Тюмень). 2004. № 1; и др.

³⁷ См.: Сб. декретов. 1919. М., 1920. С. 80.

³⁸ Большой юридический словарь. М., 1997. С. 316.

³⁹ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 1. С. 57-58.

⁴⁰ Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 9.

⁴¹ Кириллов В. М. История тюрем и лагерей Н. Тагила в со-

особенности данного типа заключения. В. М. Кириллов считает, что в концлагерях содержались «лица, совершившие различные преступления и проступки (обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлениях по должности и пр.), заведомые угнетатели, эксплуататоры труда и приверженцы буржуазного и царского дворянского строя»³⁹. Е. А. Бушаров рассматривает концлагерь «как место массового заключения гражданского населения или военнопленных, как правило, во внесудебном порядке»⁴⁰.

В литературе высказываются различные мнения о начальной дате создания концлагерей в Западной Сибири. Известно, что А. И. Солженицын относил начало ГУЛАГа к 1918 г. В. М. Кириллов считает, что именно «Декрет о красном терроре положил начало созданию концлагерей»⁴¹. По его словам, этим декретом «официально вводятся термины террор, концлагеря и воплощаются в жестокой практике с частым обращением к высшей мере наказания — расстрелу»⁴². Е. А. Бушаров указывает, что «с лета 1918 г. советская власть стала использовать концентрационные лагеря, в которых ранее содержались военнопленные, для изоляции своих активных классовых противников»⁴³. По мнению И. В. Скипиной, «пенитенциарные заведения пополнялись недовольными крестьянами уже в 1919–1920 гг.»⁴⁴.

В работах Л. В. Алексеевой, Е. А. Бушарова, Ф. Р. Усмановой можно обнаружить данные о функционировании конкретных концлагерей в Зауралье. Ф. Р. Усманова просто отмечает, что в 1920–1922 гг. на территории Тюменского края существовали концентрационные лагеря (лагеря принудительных работ)⁴⁵. Е. А. Бушаров уточняет, что «после восстановления советской власти в Тюменской губернии было организовано два концентрационных лагеря: в Тобольске и Тюмени»⁴⁶.

Исследователи подробно проанализировали контингент, который отбывал заключение в лагерях Тюменского края. Сюда ссылались, во-первых, политические противники большевиков, представители различных оппозиционных партий из различных регионов страны.

По наблюдениям Д. Б. Павлова, в декабре 1922 г. политбюро ЦК РКП (б) вынесло решение «удалить меньшевиков из всех государственных, профессиональных и кооперативных учреждений»⁴⁷. С. В. Тютюкин считает, что ««удалить» означало отправить в административную ссылку или в лагерь (если не было объективных данных для предания суду). Основным местом заключения меньшевиков, пишет он, были Соловецкие лагеря, но их помещали и в тюрьмах на территории всей страны, в том числе в тюрьму Екатеринбурга и Верхнеуральский политизолятор»⁴⁸. Л. В. Алексеева пишет: «На Тобольский Север стали высылать членов партии конституционных демократов, социалистов-революционеров, меньшевиков, анархистов, армянских дашнаков, украинских боротьбистов, азербайд-

жанских мусаватистов, грузинских меньшевиков, еврейских сионистов»⁴⁹.

Е. А. Бушаров указывает еще на одну особенность формирования контингента концлагерей Тюменской губернии. Он пишет: «Заключенные в лагеря поступали из исправительных домов (тюрем) Тюмени, Тобольска, Ишима. Среди них были люди, подвергнутые наказанию как в судебном (по приговорам ревтрибуналов и уездных народных судов), так и во внесудебном (по решению ЧК) порядке. Все заключенные были жителями Тюменской губернии. Их средняя численность в каждом из лагерей составляла около 100 человек. Впрочем, в Тюменском концлагере эта цифра в отдельные месяцы доходила до 150 человек»⁵⁰.

Большие дискуссии в современной литературе вызывает вопрос о режиме содержания заключенных в советских концлагерях. Эмигрантские историки, а также исследователи, изучающие этот вопрос на примере лагерей других регионов страны, в частности Урала, приходят к выводу о самых жестоких условиях содержания заключенных в лагерях.

С. П. Мельгунов привел данные о том, что в лагерях принудительных работ на Урале широко практиковались расстрелы заложников. По его данным, в Перми за Урицкого и Ленина погибло множество не причастных к этому делу людей; тысячи были взяты заложниками⁵¹. Он писал, что расстрелы заложников практиковались и в Екатеринбургском концлагере. Приведя данные о побеге из Екатеринбургского концлагеря 6 человек, он отметил: «Приехавший в связи с этим заведующий отделом

ветский период // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 164.

⁴² Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 1. С. 56.

⁴³ Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 10.

⁴⁴ Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале. С. 87.

⁴⁵ См.: Усманова Ф. Р. Использование труда заключенных в местах лишения свободы Тюменского края в первые годы советской власти. С. 125.

⁴⁶ Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 10.

⁴⁷ Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 — середина 1950-х гг. М., 1999. С. 82.

⁴⁸ Тютюкин С. В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 520.

⁴⁹ Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1921 гг.: национально-государственное строительство и население. С. 184.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 25.

принудительных работ Уранов в назидание оставшимся выбрал из числа белых офицеров, содержащихся в лагере, и лично расстрелял 25 человек»⁵².

А. С. Смыкалин пишет: «Те, кого не расстреляли, были обречены на медленную смерть от истощения». Он указывает на то, что весной–летом 1922 г. в Пермском исполкоме составлялись сотни сохранившихся до наших дней актов о фиксации ненасильственной смерти. Диагноз — «истощение организма»⁵³. Н. В. Подпрятков пишет: «Посетители к заключенным допускались только в праздники на полчаса, в определенное время и при обязательном присутствии коммуниста из числа караула. Охранявшие заключенных красноармейцы также могли оказаться среди своих подопечных»⁵⁴.

И. В. Скипина полагает, что такой же режим содержания заключенных был характерен и для лагерей Зауралья. Она пишет: «Жалобы крестьян в судебные инстанции на мародерство, жестокость, превышение полномочий советскими работниками в большинстве случаев оставались без разбирательства»⁵⁵.

На фоне данного мнения о режиме заключения в концлагерях Урала и Западной Сибири достаточно странно звучит заявление Е. А. Бушарова о том, что в Тюменской губернии «режим содержания в лагерях был довольно мягким». По его словам, «для них не были свойственны «эксцессы» многих первых советских лагерей 1918–1919 гг. — заложничество и неоправданная жестокость по отношению к заключенным». Автор пишет: «Победившая в гражданской войне и еще не утратившая «революционного романтизма» власть распространила на заключенных почти все права, предоставляемые трудящимся — 8-часовой рабочий день, оплату за труд, предоставление отпуска и т. д.»⁵⁶.

⁵² Мельгунов С. П. Красный террор в России. С. 76.

⁵³ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 62.

⁵⁴ Подпрятков Н. В. Организация карательного воздействия на военнослужащих в начале 20-х гг. в Прикамье ЯЯ История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 120.

⁵⁵ Скипина И. В. Человек в условиях гражданской войны на Урале. С. 87.

⁵⁶ Там же. С. 12.

По поводу данного утверждения хочется заметить следующее. Действительно, в Постановлении ВЦИК «Организация лагерей принудительных работ» говорилось: «Для заключенных устанавливается 8-часовой рабочий день. Сверхурочные и ночные работы могут быть введены с соблюдением правил кодекса законов о труде»⁵⁷. Но как это контрастирует с практикой режима заключения и условий труда в концлагерях Екатеринбургской и Пермской губерниях.

Далее Е. А. Бушаров характеризует динамику численности заключенных в лагерях. Он пишет: «В ноябре–декабре 1922 г. общее число заключенных в лагерях губернии составляло 150 человек. Причина сокращения лагерников была связана с тем, что по постановлению ВЦИК от 6 февраля 1922 г. право чрезвычайных комиссий на внесудебную репрессию было отменено, а ведь именно чекисты являлись до сих пор «поставщиками» заключенных в концентрационные лагеря»⁵⁸.

Ф. Р. Усманова приводит другую причину сокращения заключенных в лагерях Тюменской губернии. Она проанализировала многочисленные данные о попытках администрации лагерей наладить производительный труд заключенных, и пришла к выводу, что «поднять производительность труда заключенных до того уровня, который требовал циркуляр, места заключения Тюменской губернии были не в состоянии. На организации и использовании труда осужденных оказывали влияние факторы как общероссийского, так и местного плана». Среди этих факторов автор называет хозяйственную разруху, засуху 1921 г., голод 1922 г., отсутствие оборотного, а часто даже основного капитала у мест заключения, отсутствие рынка сбыта продукции и др.⁵⁹

Исследователи отмечают, что новые экономические и политические реалии в стране потребовали провести реорганизацию мест заключения противников большевистского режима. Эта реорганизация была проведена большевиками в 1922 г. По словам Л. П. Рассказова, «с окончанием гражданской войны, с введением новой экономической политики происходят изменения и в органах, исполняющих наказание». Автор считает, что смысл проведенной реорганизации заключался не только в том, что произошла определенная эволюция типов мест заключения, в частности в конце 1922 г. были реорганизованы концентрационные лагеря, но и в самой концепции пенитенциарной системы⁶⁰. По мнению А. Я. Малыгина, «к этому времени концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ практически прекратили свое существование»⁶¹.

Описывая процесс реорганизации концлагерей в Тюменской губернии, Е. А. Бушаров считает, что «главной причиной их ликвидации были нематериальные издержки или недостатки в организации. Изменилась политическая ситуация в стране: были ликвидированы очаги открытого сопротивления, за-

⁵⁷ Цит. по: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 239.

⁵⁸ Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 15.

⁵⁹ См.: Усманова Ф. Р. Использование труда заключенных в местах лишения свободы Тюменского края в первые годы советской власти. С. 127.

⁶⁰ Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941). С. 215.

⁶¹ Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 130.

кончилась гражданская война, власти уже не боялись реставрации старого строя, и повсеместное существование лагерей, где отбывали сроки политические противники, было сочтено излишним. Часть лагерей закрыли, другие преобразовали в исправительно-трудовые дома, сельскохозяйственные и ремесленные колонии и т. д.»⁶². А. Я. Малыгин связывает отказ от концлагерей с тем, что «уже в 1921 г. туда начали помещать осужденных за малозначительные преступления, пленных»⁶³.

По нашему мнению, говорить о полном отказе от использования концлагерей как мест содержания политзаключенных только на основании УК РСФСР 1922 г., как это делают многие современные исследователи, является слишком поспешным заключением. Действительно, Уголовный кодекс 1922 г. предусматривал, что лишение свободы отбывается в исправительно-трудовых домах, трудовых сельскохозяйственных и ремесленных колониях, переходных исправительных домах⁶⁴.

Однако о существовании концлагерей после принятия УК РСФСР говорит Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключении в концентрационный лагерь, утвержденное ЦИК СССР 28 марта 1924 г. В нем перечислялись категории лиц, которых следовало заключать в концлагерь. К ним относились: причастные к контрреволюционной деятельности, шпионажу и другим видам государственных преступлений; подозреваемые в контрабандной деятельности, подделке денежных знаков, спекулянты советской и иностранной валютой и др.⁶⁵

Поэтому следует согласиться с мнением В. М. Кириллова, который замечает, что «с 1920 по 1929 г. в нашей стране существовали лагеря особого назначения (концлагеря)»⁶⁶.

Большое внимание исследователи уделяют анализу изменений, которые были внесены в пенитенциарную систему под влиянием новых реалий, связанных с осуществлением новой экономической политики.

А. С. Смыкалин пишет, что «в описываемый период количество мест заключения имеет тенденцию к росту. Пенитенциарная система страны укрепляется, увеличивается ее контингент»⁶⁷. Для этого утверждения автора имеются достаточно веские основания.

Источники показывают, что летом 1923 г. в РСФСР происходило обследование мест лишения свободы. По данным этого обследования, в республике насчитывалось 105 домов заключения и тюрем, 35 сельскохозяйственных колоний, 207 исправительных домов, 4 трудовых дома для несовершеннолетних, 5 больниц. В них содержалось 61 297 заключенных⁶⁸. А. С. Смыкалин подсчитал, что в 1924 г. в РСФСР имелось уже 417 мест заключения (включая исправительные дома, сельскохозяйственные колонии, трудовые дома и т. п.)⁶⁹. М. Б. Смирнов,

⁶² Бушаров Е. А. «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». С. 15.

⁶³ Полиция и милиция России: страницы истории. С. 130.

⁶⁴ См.: Действующие распоряжения по милиции. М., 1928. С. 198.

⁶⁵ Цит. по: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 245.

⁶⁶ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 2. С. 3.

⁶⁷ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 245.

⁶⁸ См.: Власть Советов. 1923. № 11-12. С. 132.

⁶⁹ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 245.

С. П. Сигачев, Д. В. Шкапов обращают внимание на то, что в годы нэпа преобладали сравнительно небольшие колонии и другие места лишения свободы. Этот факт они объясняют отсутствием в 1920-е гг. крупномасштабных государственных промышленных объектов и малой востребованностью принудительного труда в условиях безработицы⁷⁰.

Л. В. Алексеева приводит данные о том, что в 1920-е гг. на Тобольский Север ссылались не только конкретные люди, но и целые учреждения. Она пишет: «К примеру, в театральной литературе не найти сведений о «ямальском периоде» Московского художественного академического театра.

Но гордость русской культуры — МХАТ — находился в начале 1920-х гг. в с. Обдорске не на гастролях, а в ссылке»⁷¹.

Весьма спорным представляется мнение некоторых исследователей о том, что в годы нэпа произошло определенное облегчение условий заключения. Действительно, в законодательстве того времени можно найти документы, подтверждающие данный вывод. 16 февраля

1925 г. ВЦИК издал декрет «Об утверждении комиссий для надзора за постановлениями губернских (областных) комиссий в области применения ими досрочного освобождения и сокращения срока отбываемого наказания»⁷². 21 апреля 1925 г. был принят Закон РСФСР «О предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы заключенным крестьянам»⁷³. 1 марта 1926 г. ВЦИК принял декрет «Об освобождении от отбывания принудительных работ без содержания под стражей лиц, присуждаемых к таковому до 1 января 1925 г.»⁷⁴.

Однако А. Я. Малыгин по этому поводу совершенно справедливо пишет: «Представляется, что даже при предвзятом подходе трудно отрицать, что исправительно-трудовое законодательство все-таки несло в себе гуманистическое начало. Другое дело практика»⁷⁵.

По мнению Ф. Р. Усмановой, «в общих местах заключения на протяжении 20-х гг. преобладают осужденные за имущественные преступления, что объясняется трудностями гражданской войны, иностранной интервенции и восстановительного периода. Но постепенно традиции, связанные с дореволюционной каторгой и ссылкой, возобновляются». Проанализировав деятельность тюрьмы-изолятора при Тобольском исправительно-трудовом доме, она пишет: «Установлено, что на протяжении 20-х гг. корпуса политизолятора, вследствие усиления репрессий в отношении политических противников советской власти, были постоянно переполнены не только уголовниками, но и осужденными за контрреволюционные преступления. Рост

⁷⁰ См.: Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система мест заключения в СССР. С. 25.

⁷¹ Алексеева Л. В. Ополитических ссыльных и репрессиях в Северо-Западной Сибири (первая половина XX в.). С. 27.

⁷² См.: Собрание узаконений правительства РСФСР. 1925. № 12. Ст. 84.

⁷³ См.: Там же. № 25. Ст. 181.

⁷⁴ См.: Там же. 1926. № 13. Ст. 102.

⁷⁵ Полиция и милиция России: страницы истории. С. 131.

количества заключенных вызывали также кампании по ликвидации кулачества, по борьбе за улучшение качества продукции, с хищениями социалистической собственности, с нарушениями трудовой дисциплины»⁷⁶.

В то же время исследователи полагают, что и в годы нэпа суть советской пенитенциарной системы принципиально не изменилась. А. С. Смыкалин указывает на то, что теоретическая база под произвол по отношению к «классовым врагам» закладывалась не в 30-е гг., а значительно раньше. Он пишет, что уже в 1920-е гг. «перед советскими судами ставилась задача внимательно отслеживать классовую принадлежность подсудимого, от чего в большинстве случаев зависел приговор и его исполнение в системе ИТУ страны»⁷⁷.

В доказательство справедливости данного утверждения можно привести слова одного из видных теоретиков и практиков советской пенитенциарной системы середины 1920-х гг. К. Ширвиндта, который писал: «...по отношению к нашим «классовым врагам» основные принципы нашей пенитенциарной политики остаются в полной силе; если прохождение этапов прогрессивной системы обставляется для них большими трудностями и они ставятся в условия более жесткого режима, то, конечно, не может быть и речи о том, чтобы мы отказались в отношении к ним от принципа, согласно которому меры социальной защиты должны быть лишены признаков мучительства»⁷⁸.

Современные исследователи отмечают, что отмена новой экономической политики привела к новой реорганизации мест заключения в Западной Сибири. А. Б. Суслов пишет: «Тотальное огосударствление всего производства, начало форсированной индустриализации, сопровождавшееся появлением крупных объектов, требующих привлечения большого количества работников, становятся объективными условиями для изменения пенитенциарных концепций и структур»⁷⁹.

По мнению Ф. Р. Усмановой, «к концу 20-х гг. проявилось явное противоречие между правовой базой организации мест заключения и реальной практикой ее реализации». Она считает, что «для дальнейшего развития советской исправительно-трудовой системы большое значение имела самокупаемость мест заключения, но это приводило к тому, что главная цель перевоспитания осужденных отступала на второй план»⁸⁰. В. М. Кириллов отмечает, что в 1929 г. вместо лагерей особого назначения начинают создаваться исправительно-трудовые лагеря⁸¹.

Н. А. Морозов считает, что в 1929 г. начинается «переход от «соловецкой модели» режима содержания и «трудового использования» заключенных к модели ГУЛАГа (разделение пенитенциарной системы на две подсистемы — исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) и исправительно-трудовые колонии (ИТК), создание лагерно-производственного комплекса, быстрый перевод

⁷⁶ Усманова Ф. Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.). С. 19-20.

⁷⁷ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. С. 40.

⁷⁸ Энциклопедия государства и права: В 3 т. М., 1927. Т. 3. С. 128.

⁷⁹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 13.

⁸⁰ Усманова Ф. Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.). С. 22.

⁸¹ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е — начало 50-х гг. Ч. 2. С. 3.

экспедиций / лагпунктов ОГПУ в ранг треста / ИТЛ и комбината / ИТЛ), ужесточение репрессивных сторон законодательства»⁸².

А. Б. Суслов считает, что первым серьезным шагом в новой реорганизации советской пенитенциарной системы следует считать принятие постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26 марта 1928 г. Он пишет: «В нем наркоматам юстиции и внутренних дел предлагалось разработать проект законодательства о принудительных работах, который, в частности, должен был базироваться на принципах: а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную силу репрессии и т. д.»⁸³.

А. Я. Малыгин указывает: «В июне 1929 г. ВЦИК отнес к основному виду мест заключения колонии массовых работ. В октябре 1929 г. совещание начальников краевых и областных административных органов и их помощников по местам заключения пришло к выводу о необходимости реорганизации системы мест заключения, а именно, ликвидировать мелкие, не обеспечивающие достижение целей исправления и перевоспитания осужденных, и переходить к крупным колониям»⁸⁴.

Таким образом, в современной историографии получили освещение с учетом новых подходов многие аспекты истории правоохранительных органов в Западной Сибири в 1920-е гг. Исследователям удалось поставить совершенно новые проблемы и решать их с применением новых источников. Началось изучение истории создания и функционирования советской пенитенциарной системы в регионе. Вместе с тем анализ существующей литературы свидетельствует о том, что на сегодняшний день нет целостного представления о состоянии мест лишения свободы края в указанное десятилетие. Ученые приводят разрозненные факты, характеризующие численность разных мест заключения, количественные характеристики контингента пенитенциарной системы, режима его содержания. Некоторые исследователи смешивают разные типы мест лишения свободы (концентрационные лагеря, принудительных работ, специальные, особые). В литературе явно недостаточно материала, дающего полное представление о видах преступлений, сроках заключения, принципах формирования категории политических заключенных, что не позволяет более объективно оценить направленность карательной политики советской власти в 1920-е гг. Отсутствие в литературе четкого представления по многим вопросам темы истории справедливо связывают с ограниченностью источниковой базы. Большинство документов как нормативного характера, так и информационного и оперативного плана рассредоточены по различным фондам ведомственных архивов, находятся на особом режиме хранения и в значительной массе недоступны историкам.

⁸² Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 5.

⁸³ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). С. 12-13.

⁸⁴ Полиция и милиция России: страницы истории. С. 134.